

дороге, тут же предложили мне быть у них связным и передавать им сведения о продвижении немецкого транспорта по данной дороге. Поняв, что со мной встретились партизанские разведчики, я проникся к ним с глубоким доверием, почувствовав себя натуральным участником вооруженной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, вторгшимися в нашу Родину. Со мной был проведен тщательный инструктаж о правилах конспирации, кодировании сведений, марках и эмблемах транспорта и др. Был подобран почтовый ящик (тайник), куда я должен опускать добытые сведения. Такие сведения я должен также собирать и по железной дороге.

Воодушевленный таким доверием, я самостоятельно начал заниматься пропагандистской работой и после поражения немецко-фашистских войск под Сталинградом я прямо на рабочем месте устроил *импровизированный митинг по этому поводу и... провалился... не заметил тихо подошедшего профашистски настроенного поляка, который тут же выдал меня немцам, которые избili меня прямо на рабочем месте и увезли в Звенчатскую Комендатуру Климовичского р-на, Могилевской обл., где, продержав неделю, морили голодом, выбивали из меня признания о моих связях и ничего не добились. Решили вопрос отправки меня в Кричевский концлагерь, и если бы моя мать своевременно не сбавила год возраста я бы туда попал...*

Вскоре гарнизон фашистов был уничтожен. На что реакция фашистов не замедлила сказаться... В нашу и окружающие деревни прибыли каратели, и после тщательных поисков, и, не найдя улик, взяли в заложники все мужское население, включая и подростков, и, окружив плотным кольцом автоматчиков, погнали в ту же расстрельную Звенчатскую комендатуру. Положение наше было незавидное, каждый мысленно и воочию прощался с жизнью... Пробыв весь день на расстрельном поле, мы наблюдали, как понаехавшие высокие чины решали нашу судьбу... И судьба в тот апрельский день была для нас милостива. Прибывшие наши матери, жены, сестры «выкупили» нас, и нас отпустили.»

Корневская Мария,
студентка факультета
финансов и банковского дела

Тревожное эхо войны

«Едва ли не самый солнечный выдался тогда день. Помню, наконец мы с Ниной могли вдоволь набегаться по двору: папа почему-то боялся

отпускать нас на улицу, но сегодня что-то изменилось. Ушла эта непонятная тревога и грусть с лица мамы, осталась только сухость, сухость её глаз, из которых, казалось, уже никогда не сможет пролиться ни одна слеза. Помню, как недоумевала, чем же примечателен этот день, ведь 9 Мая уже давно позади. И только сейчас становится страшно оттого, что люди и моя семья, в частности, жили в непрерывном страхе и ожидании очередной воздушной тревоги, все ещё не веря в окончание того слишком затянувшегося кошмара.

И вот в тот день, отнюдь ничем не примечательный, кроме небывалого солнца, мама с папой проснулись с верой в мирное, тихое будущее, проснулись с осознанием того, что жизнь начинается заново. Помню, пробегали с сестрой все утро, держа в руках ветки кустов вместо автоматов и играя в войнушку. Родители ничего не говорили. Радовались лишь тому, что мы живы. Ближе к вечеру начали обкапывать грядки. Вернее, папа с мамой пытались это сделать палкой с прибитой на неё доской. А мы с Нинкой копались где-то на краю. Помню, мама меня позвала помочь убраться дома, я и пошла домой, а Нинка осталась. А потом Нинка с беззаботно большими глазами, слегка покачивая, принесла папе гранату, взяв ее прямо за вот эту самую чеку.

«Пап, а что это такое?». Папа, разумеется, не ответил. Интуитивно стал дышать медленнее. Казалось, все должно было стать иначе, только отступила эту страшная тревога, а тут Нинка на волоске от смерти. Папа, еле сдерживая ужасно трясущиеся руки, попросил отдать ему гранату без резких движений, отпуская чеку. А мы в это время с мамой вспоминали довоенные годы, смеялись, не подозревая о том, что Нинка вот-вот умрет. Папа так испугался потерять Нинку, что закрыл глаза, а когда почувствовал гранату в руках, оттолкнул Нинку и крикнул бежать, а сам, будто проснувшись, спотыкаясь побежал к концу огорода и, даже толком не замахнувшись, выпустил гранату, отпрыгнув назад. Раздался взрыв.

Нинка осталась жива, но никогда больше не просыпались родители с тем умиротворенным спокойствием. Никогда, понимаешь. Никогда. Ужасное неведение, что же будет дальше, что найдет Нинка в следующий раз. Оставалось жить только надеждой, часто подвергающейся сомнениям и скептицизмом соседей и знакомых».

Вот так, в один из едва ли не самых солнечных дней, изредка прерываясь и оглядываясь вокруг, чтобы спрятать проступающие слезы, моя бабушка рассказала мне свои самые страшные воспоминания.

Эти страшные воспоминания должны стать самыми дорогими для нас, поколения, не видевшего войны и оттого огрубевшего и забывшего ценность уверенности в будущем, уверенности в том, что завтра наступит и для тебя, и для твоей сестры. Такое вот простое счастье в простой уверенности, которое мы, увы, уже не видим.

